

DOI: 10.15593/perm.kipf/2018.4.11

УДК 159.694.2

ФЕНОМЕН ИЛЛЮСТРАЦИИ И КОНЦЕПТ «РЕАЛЬНОЕ» ЖАКА ЛАКАНА

И.В. Абдрашитова

Детская художественная школа № 1 имени П.Ф. Рябова, Саранск, Россия

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-7761-7450>

Раскрывается значимость феномена иллюстрации в постижении языка и концепта «реальное», что является актуальным для придания дисциплинарного статуса некоторым понятиям философии Жака Лакана, до конца им не определенным и не проясненным. Новизна статьи отражена в положении, что иллюстрация является точкой пересечения текста и его интерпретации, промежуточным состоянием некой структуры, которую мы склонны отнести к «реальному». Одновременная интерпретация текста и иллюстрации вынуждает читателя строить новую систему, отличную от уже имеющейся. Начало этого построения – есть «зазор», открывающий «просвет» означаемому. Цель статьи – показать, что обращение языка к визуальности является попыткой самоопределения своих границ. Данная цель достигается решением задач: дать краткую характеристику концептов «воображаемого», «символического», «реального», «стадии зеркала»; найти точки соприкосновения концепта «реальное» с философией иллюстрации.

Методология статьи предполагает интермедийный метод, направленный на выявление различных способов взаимодействия разнородных художественных дискурсов; структурный метод, направленный на обнаружение характера отношений измерений языка и изобразительной интерпретации; сравнительный метод, показывающий, что интерпретация текста возможна как диалог двух семиотических систем – вербальной и визуальной. Разработан герменевтический метод перехода из одной семиотической системы в другую: от слова к картинке. Чтобы постичь образ текста, необходимо постичь его содержание, и чтобы постичь содержание, необходимо постичь образ.

Делается вывод, что иллюстрирование – это одновременно постижение языка и «реального». Иллюстрация своим появлением в тексте затрагивает поверхностные смыслы языка, что является «всплыванием» к границам бессознательного. Статья показывает, что философия иллюстрации дает ключ к пониманию человека как «расщепленного» существа, фиксирует разрыв между языком и бытием.

Ключевые слова: иллюстрация, психоанализ, язык, бессознательное, означающее, означаемое, «реальное», «символическое», «воображаемое», Ж. Лакан, Л. Витгенштейн.

PHENOMENON OF THE ILLUSTRATION AND CONCEPT "REAL" BY JACQUES LACAN

Irina V. Abdrashitova

Children's art school no.1 named after P.F. Ryabov, Saransk, Russian Federation

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-7761-7450>

This paper describes the importance of a phenomenon of an illustration for comprehension of language and a concept "real" that is relevant for giving the disciplinary status to some concepts of Lacan's philosophy incompletely defined and clarified by him. The novelty of the article is reflected in the thesis that illustration is a cross point of the text and its interpretation, an intermediate state of a certain structure which we are inclined to refer to "real". Simultaneous interpretation of the text and an illustration forces the reader to build the new system other than already available. The purpose of this paper is to show that the language address to visuality is the attempt of its limits self-determination. This purpose is achieved by the solution of the following tasks: to give the short characteristic of concepts "imaginary", "symbolic", "real", to "a mirror stage"; which is significant for systematization Lacan's philosophy; to find a point of contact of the concept "real" and illustration philosophy.

Methodological principles of article presuppose the intermedia method directed to the identification of various ways of interaction of diverse art discourses; the structural method directed to detection of character of the relations of measurements of language and graphic interpretation; the comparative method showing that interpretation of the text is possible as a dialogue of two semiotics

systems: verbal and visual. The hermeneutical method of transition from one semiotics system to another is developed: from a word to the picture. To comprehend an image of the text it is necessary to comprehend its contents and to comprehend contents it is necessary to comprehend an image.

It has been made a conclusion that illustration is a simultaneous comprehension of language and "Real". With its advent in the text illustration touches upon superficial meanings of language which is the floating to the borders of unconscious. The article shows that philosophy of illustration assists to understand a person as a "split" creature; it fixes the break between language and Being.

Keywords: illustration, psychoanalysis, language, unconscious, signified, signifier, "imaginary", "symbolic", "real", J. Lacan, L. Wittgenstein.

Обращение к концепту «реальное» Жака Лакана связано с проблемой проговаривания человеческого бытия через язык, поставленной Л. Витгенштейном и М. Хайдеггером. С позиций аналитической философии и философии экзистенциализма они утверждали, что с помощью языковых структур этические проблемы описать невозможно, так как логически (Витгенштейн) и онтологически (Хайдеггер) не оправданно их любое определение, адекватное истине. Философия постструктурализма, развернувшая данную проблему, показав невозможность обнаружения объективных значений в тексте, пришла к необходимости поиска знаковых систем для «воскрешения» смыслов, минуя логические формы языка и избегая ложных «затемнений» бытия. Через озарения Ж. Лакана, рассматривавшего язык в качестве отражения человеческого бессознательного, можно выглянуть из «клетки языка» (обозначение Витгенштейна) в «просвет бытия» (метафора Хайдеггера) и обозначить новый проблемный уровень продуктивной работы с текстом и со смыслами человеческого существования.

Проблема о языковой невыразимости мира, поставленная немецкими философами, для Лакана имеет несколько иной вид. Французский язык менее строг, категоричен, допускает междисциплинарное использование понятий. По крайней мере в философии Витгенштейна в явном виде «Я» не проговорено («Я» у Витгенштейна – это и язык, и мир, вернее, мир и язык в их единстве) [1, с. 315], в философии Лакана ярко выражена принадлежность к личному: к сознательному и бессознательному человека. Для французского философа основная проблема была не в выражении мира через язык, а в выражении человека, реальных его качеств и реального видения мира, трансформированного в структуры языка. Лакан вводит языковые определения внутрь бессознательного.

По мнению автора, философия иллюстрации дает ключ к пониманию человека как «расщепленного» существа, фиксируя разрыв между языком и бытием, между сознательным и бессознательным. Найти точки соприкосновения концептов Лакана «воображаемого», «символического», «реального» (В.С.Р.), «стадии зеркала» с феноменом иллюстрации является одной из задач данной статьи. Выяснить значение концепта «реальное», до конца не проясненного в философии Ж. Лакана, сродни очерчиванию легитимности философии иллюстрации для научных исследований, приданию ей дисциплинарного статуса.

Наследие Лакана, философа и практикующего психоаналитика, насыщено метафорами, скрытыми аллюзиями; выводы он предпочитал не высказывать, у него нет строго очерченных определений. Предлагая во втором семинаре «временно держаться предлагаемой метафоры» [2, с. 5], Лакан не раскрывает до конца ее значение, руководствуясь в своих размышлениях девизом: «необходимо иметь решимость бросить проблемы нерешенными» [2, с. 70]. В семинарах Лакана понятия «реальное» и «реальность» употребляются и как синонимы, и как противоречащие друг другу концепты. Также Лакан критикует жестко организованные формы посвящения, которые, по его словам, чаще всего оборачиваются обманчивым формализмом. «Речь» и «язык», разводящиеся по разным научным основаниям, в конце концов выступают в одном парадигмальном ключе и являются взаимозаменяемыми в его известной формулировке:

«Бессознательное структурировано как язык». Все это провоцирует поиск научного стержня и отрицает стагнацию в понимании лакановского наследия.

Работы В.А. Мазина [3], А. Смулянского [4], Н.С. Автономовой [1], Н.Ф. Калины [5] явились решающими в формировании философского «костяка», изложенного в статье. Монография А.В. Дьякова дала представление о хронологии развития лакановского учения [6], словарь Э. Дилана – материал для анализа основных концептов Лакана [7].

Разработка философских методов анализа феномена иллюстрации и поиск системных оснований «лакановской речи» имеют родственный путь, ведущий к новому аспекту герменевтического метода. В контексте философии иллюстрации был выработан «двойной метод» герменевтики взаимозависимости образа и содержания: чтобы постичь образ текста, необходимо постичь его содержание, и чтобы постичь содержание, необходимо постичь образ. Новизна этого метода заключается в том, что он учитывает проблему «двойного» восприятия текста, выраженного в иллюстрированной книге, представляет пример существовавшего на всем протяжении истории человеческой мысли диалога двух семантических систем, совмещенных с диалогизмом текстовой практики. Это обеспечило выполнение задачи исследования проблемы «герменевтического круга» в контексте взаимозависимости образа и содержания. Таким образом, «лингвистический» и «иконический» повороты оказываются неизбежно смежными и взаимозависимыми, поэтому ставится задача для дальнейшего исследования, а именно показать общие законы развития визуальной и вербальной культуры.

Главные неизменные постулаты, от которых отталкивается Ж. Лакан в построении своей теории: «Бессознательное устроено как язык» и «Я – это Другие». Все остальное накручивается на этот костяк. Например, «воображаемое», «символическое», «реальное» («В.С.Р.»), три элемента психики, в семинарах Лакана подвергались концептуальным изменениям; выявить их более-менее устойчивые определения возможно, только опираясь на эти постулаты. Так, «воображаемое» – это иллюзорные представления, впервые сформированные человеком в период, который Лакан обозначил как «стадия зеркала»; «символическое» – это нормы и правила общества, с одной стороны, и все элементы означающих, то есть формальных сторон языкового знака – с другой; «реальное» – означаемое, непосредственная жизнь индивида, которую вообще невозможно определить и обозначить, так как любое определение делает «реальное» «символическим». Бессознательное, поглощающее все, в зависимости от переплетения «В.С.Р.» схематизируется в соответствии со структурами языка. Многочисленные отпечатки многочисленных Других, сложное их взаимодействие, гиперструктура внутреннего ответа человека на внешние раздражители, – все это забивается в сетку языковой системы.

Дадим краткую характеристику «В.С.Р.», избегая концептуальных усложнений. «Воображаемое» – это то, как отдельный человек видит себя сам, каким являет себя Другим, отталкиваясь от первоначального целостного образа, который пришлось составить, глядя на себя в зеркало. «Стадия зеркала», формирование которой происходит от 6 до 18 месяцев, по сути, может длиться всю жизнь. Только «зеркалом» выступает уже смысловое и внутреннее преобразование, поиск целостного себя, являющееся иллюзорным образованием, способным вписать индивида в структуру отделения себя от Другого. «Функция “стадии зеркала” представляется нам частным случаем функции *imago*, которая заключается в установлении связей между организмом и его реальностью, другими словами, – между *Innenwelt* и *Umwelt*» [8]. Целостное Я – это всегда «воображаемое», строящееся под влиянием общей языковой практики, отрицающей чистую индивидуальность.

«Символическое» – это уже существующие образования морального, культурного, философского наполнения, которыми индивид сознательно и бессознательно пользуется для встречи с социальными установлениями и нормами человеческого общежития. Вписывание в рамки готовых запретов и позволений, структур и систем происходит, насколько это вообще возможно, в ситуации позиционирования своего Я от Другого. Однако Я – это переплетения Другого, сначала в детстве в лице матери или любого близкого Другого, дающих разрозненные ощущения себя, и в «стадии зеркала» воображаемого целостного себя, а затем Другого как высшей сверхличной системы, дающей ощущение себя, вобравшего символические установления, зафиксированные в языке. «Общение на уровне воображаемого – это бинарные, непосредственные симбиотически слитные отношения между людьми (такowymi можно было бы считать слияние младенца с матерью или слияние человека с объемлющим его первобытным коллективом). Напротив, отношения общения на символическом уровне – это «тройственные» отношения, общение с опосредованием, не допускающим возможности слияния в единое целое. В душевном развитии ребенка – это включение отца в слитный симбиотический мир связей с Матерью, в обществе – принятие языка и символического закона, организующих отношения между людьми» [1, с. 315–316].

«Реальное» – это чистые биологические потребности, импульсы, функции, которые индивид не в состоянии прочесть, так как понимание, осознание относит его в сферу готовых шаблонов, систем и установлений, в сферу «воображаемого» и «символического». Также «реальное» – это неустойчивое образование бессознательного, шаткое до тех пор, пока не стало «символическим». Уделяя особое внимание «реальному», Лакан становится на путь постструктурализма: выискивает из готовых упорядоченных структур хаотическую спонтанность, открывающую направление к истинному толкованию симптомов, непосредственно связанных с «реальным». «Реальное» – это промежуток между метафорами, спонтанная «ячейка» формирования структур языка.

Лакан в поздних семинарах называет «реальное» неологизмом *lalangue* (связь языка и *tongue* (речь, говор)). Понятие *lalangue* – изменчиво, двусмысленно, неустойчиво. В семинаре «Момент завершения» Лакан называет *lalangue* множественной поддержкой языка, притом не вписанной в структуру языка, доказывая это тем, что ни разу не ставит артикль *la* перед словом, уже его включившим. *Lalangue* артиклю «сопротивляется», предполагая переход к напеву в случае его употребления. Важно, что в том же семинаре *lalangue* написано одним словом на рисунке, чтобы, по словам Лакана, можно было что-то почувствовать, по возможности минуя словесное обоснование. «Реальное» выражает провалы, срывы, «тики, заикания, спотыкания» языка, само выражение нехватки в Другом [9, с. 121–123].

Язык, который мог бы совершить описание «реального», отсутствует в принципе. Но есть внутренний предел «символического», стоящий на границе с «реальным», на границе смысла и бессмыслицы, готовый к частичному открытию «реального». «Реальное» – это означаемое, бессознательное, что лежит «тиной» под круговоротом взаимоотношений «воображаемого – символического», то есть означающих. «Реальное» не участвует в порождении фантазмов, комплексов, смыслов, но каждый раз бессловесно прячется между ними. «Реальное» нельзя постичь, только приблизиться к постижению. Притом проявляется оно максимально на поверхности, не в архетипичной глубине, а, например, в встряске, в неудобстве и пр.

Таким образом, «реальное» у Лакана является границей языковых практик, вобравших в себя смыслы этого мира. Прикосновение к «реальному» – это одновременно прикосновение к «воображаемому», «символическому», минуя устойчивые характеристики структурированно-

го сознательного, момент «прыжка» в них. «Реальное», окруженное «воображаемым» и «символическим», можно познать только при условии понимания метафоричности и диалогичности языка, которые вбирает в себя иллюстрация, феномен, максимально приближенный к языку, но говорящий о его смыслах изобразительными формами.

Точное описание прикосновения художника к «реальному» есть у советского иллюстратора Фаворского: «...тему или идею, когда мы берем словесно для какого-то изображения, мы должны как бы опустить обратно в бессловесное мышление для ее конкретизации, для ее обогащения» [10, с. 44]. Художник тем самым встает «над словом», «над логикой» и оказывается близок к решению проблемы, поставленной Витгенштейном, о невозможности «непосредственно высказывать предложения, описывающие логику языка и мира. Ибо для этого пришлось бы встать над языком и миром, описывая их структуру как бы извне» [11].

Иллюстрация – это своего рода метаязык языковой системы, призванный уменьшить сложность описания значений и осуществивший возможность наблюдения смыслов вне самого языка. Притом иллюстрация, так же как язык, является семиотической системой, наполненной означающими. Как верно замечает Марков, у Лакана язык так же, как вещь, картинка, трактуется как «подрыватели» нашего сознательного: «вещам приписывается та функция воображаемого, которая вселяет в глядящего на них чувство потерянности и смерти, мир выглядит как один большой тест Роршаха, ужасающий зрителя» [12]. Более того, иллюстрация – это вторжение одной записи в другую, что является маленьким «а» Лакана. «Объект а» – еще одно понятие, введенное Лаканом для обозначения переменной, которая является неким «ризомным узлом», приводящим к все большему разветвлению других означающих. Важно подчеркнуть, что не в самой иллюстрации видится означаемое и «реальное», а в переходе из одной семиотической системы в другую.

В рамках решения проблемы обоснования иллюстрационной практики как одного из необходимых элементов распознавания «реального», а значит, целостного Я, философских смыслов и возможности выражения их в тексте вынесем три гипотезы.

1. Постигание иллюстрации является для читателя точкой пересечения текста и его интерпретации, указанием на промежуточное положение некой структуры, которую мы склонны отнести к «реальному».

2. Иллюстрация – «зеркало» текста, отражающее его образ, когда читатель находится в ситуации поиска определенного положения вещей. Читая иллюстрированный текст, читателю приходится быть между данностью и ее интерпретацией. Промежуточное положение среди означающих позволяет надеяться, что мы касаемся «реального» и означаемого.

3. Одновременная интерпретация текста и иллюстрации вынуждает читателя строить новую систему, отличную от уже имеющейся. Начало этого построения – есть «зазор», открывающий «просвет» означаемому, постоянно ускользающий, тяготеющий к другим означающим, но ставящий художника и читателя в ситуацию «прыжка» в «реальное». «Художник спускается к невяной границе между видимым и невиданным, собственно, эту границу проводя. Шаг за шагом, продвигаясь на ощупь, он подводит невиданное архаической темноты к свету визуального» [13, с. 58]. Лакан подчеркивает, что основа любого знака – не означающее и не означаемое, а черта между ними, которая является цензурой, оказывающей сопротивление доступу означающего к означаемому. «Формула Лакана – формула не отношений двух составляющих знака, а их разделенности. Доступно лишь означающее. Причем означающее это не только акустический, но и визуальный образ. Означающее указывает не на означаемое, а на другие означающие, обнаруживаемые в последовательности, в цепи» [3].

Смена семиотической системы с вербальной на визуальную предполагает, что возможна остановка между звеньями цепи для взгляда в означаемое. «Означающая цепочка»: кольца, образующие ожерелье, сцепленные с одним из колец другого, состоящего из колец, ожерелья [8, с. 61]. Таким образом, имя предмета (понятие) и картинка понятия (иллюстрация) одинаково являются означающими, остаются в поле символического. Лакан, чтобы описать сложность понимания «реального», то есть чистого означаемого, прибегает к примеру с «бутылкой Клейна» как замкнутой системе не различаемых между собой дна и горлышка [4]. Так же и «реальное»: начиная описывать его, неизбежно попадаешь в поле «символического», то есть в структурный уровень языка и социальных отношений. Сама иллюстрация, так же как и слово, уже статика «символического», но сама возможность узрения различия «дна» и «горлышка», ситуация «между» предполагает наличие границы, предела, определения.

Художник сталкивается с условиями создания литературной или научной идеи, придерживаясь композиции, стиля, жанра текста, обозначает выраженную идею слова, автора, мира, в котором он творит, то есть «воображаемое», осуществляемое через «символическое». Уловить «реальное» возможно не в самом изображении, не в слове, а в переходе от слова к картинке как художника – интерпретатора слова, так и читателя – интерпретатора слова и картинки.

Переход, так же как и «реальное», «инстанция невозможного, непредставимого, несимволизируемого». Иллюстрация для читателя – это когда еще или уже нет слов, но сформирован образ, иллюстрация для художника – это слово в его непременно метафорическом значении, в соскальзывании из одной семиотической системы в другую. «Воспользуемся заложенной во французском языке двусмысленностью: это невозможное знание подвергнуто цензуре, запрещено, *interdit*, но стоит вам записать то же слово несколько по-другому, как ясно станет, что оно *inter-dit*, высказано между строк. Важно выяснить теперь, к какого рода реальности оно, это знание, обеспечивает нам доступ» [9, с. 142–143]. «Существует целый мир несказанного (*non-dit*), запретного (*inter-dit*), так как именно в этом облике предстает нам то вытесненное, которое и называем мы бессознательным» [14, с. 87].

Иллюстрация является методом переключения из одной семиотической системы осознания текста в другую. Ю. Лотман пишет, что в другом способе кодирования даются «черты повышенной условности, подчеркивает его игровой характер: иронический, пародийный, театрализованный смысл и т. д. Одновременно подчеркивается роль границ текста, как внешних, отделяющих его от не-текста, так и внутренних, различающих участки различной кодированности. Актуальность границ подчёркивается именно их подвижностью, тем, что при смене установки на тот или иной код меняется и структура границ» [15].

Иллюстрация отображает «границу» высказывания, пытаясь приблизиться только к смыслу и образу, минуя структуры языка, но оставаясь в пространстве текста. Художник описывает грани семантики языка; выражает экспрессию смысла, квинтэссенцию образа, максимально уходя от внутренней структуры языка, то есть в «реальное». Мелькание изобразительных образов очерчивает поле изображаемого и дарит художнику и читателю видение «границ» абстрактного, умопостигаемого. Книжная иллюстрация обращена как к уже состоявшемуся высказыванию автора, то есть к прошлому слова, так и к еще не выраженной мысли, то есть к будущему слову читателя. Иллюстрация – это то, что остается между словами, между проговоренным и умалчиваемым: в изображении выражен остаток «символического» и «реального», остаток слов и их объектов, означающего и означаемого. Феномен иллюстрации близок к черте между знаками, к «провалу» в «реальное», в «просвет Бытия».

Дискурсивное слово «между» вписывается в суждение Витгенштейна, выраженное им на первых страницах «Логико-философского трактата», что границу мышлению провести нельзя, так как, чтобы провести такую границу, нужно быть в состоянии мыслить по обе стороны этой границы [16]. Мышление он связывает с языком, отдавая должное формулированию смысла. В иллюстрировании мы сталкиваемся с уже сформированной мыслью, которая «разрешена» наподобие музыкального аккорда в изобразительный аккорд для достижения устойчивости. Сам переход от языкового «аккорда» в изобразительный является границей между мыслью и образным ее истолкованием вне структур языка. Картинка тоже словесно наполнена, но так как слова тут же прописаны, то возникает нечто, отличное от слов, и это отличие зафиксировано. Поэтому именно иллюстрация в отличие от простого изображения может претендовать на границу с «реальным», означаемым, так как отсылает не к полю языка, а от поля языка к функции изобразительного говорения. Если мы постигаем сначала иллюстрацию, а затем словесное описание, мы опять же проходим границу, и эта граница суть образного словесного молчания, но в то же самое время говорение смысла.

Иллюстрация обеспечивает отвлечение от сконструированной реальности слова и от сложившихся читательских шаблонов восприятия. Именно на этом строится ассоциативный тест по картинкам: пациент «примеряет» картинки к устоявшемуся порядку «воображаемого» и «символического», находя пути-переходы к собственно «реальному», означаемому.

Взаимозависимость вербальной и визуальной составляющих художественного дискурса происходит по двум направлениям: эмоционального удержания смысла текста на основе возможности целостного его восприятия и смыслового и метафорического расширения текста на основе выделения в нем значимых моментов. Отнесение целостности к возможности закрепления текста, а значимости – к метафоричности основано на соотношении части и целого, с одной стороны, и на сути метафоры – с другой. Иллюстрирование – процесс эстетически, чувственно постигаемой реальности языка – один из инструментов преодоления его рациональности, что переключается с изменением направления референции знака, путем создания метафор и смены семиотического спектра знака. Здесь мы сталкиваемся с многозначностью. Общее для слова и картинки чувство позволяет иллюстрации быть. Иллюстрация выполняет роль «соскальзывания» с одного предмета на этот же предмет с помощью другой семиотической системы. Замещение, сгущение, что свойственно метафоре и метонимии, в иллюстративной ситуации приобретает наглядный смысл взаимодействия вербальной и визуальной систем.

Составление иллюстрации по уже готовым смыслам показывает, что структуры «символического» выявляются на разных уровнях эстетического. При этом выявление структур языка заменяется на интуитивное прозрение схожести образов, методов и др. В качестве иллюстрации может быть все, что угодно, ведь «знак беззащитен для интерпретации», то есть знаку можно придать любой смысл (позиция Витгенштейна). Важны направление мысли и уместность перехода из одной семиотической системы в другую. Даже произвольная иллюстрация к определенному тексту в принципиальной своей обращенности ко всем читателям значима как единый направляющий знак. Но «точность отлична от истины, а предположение отнюдь не исключает строгости» [18, с. 56].

То, что у Витгенштейна вырисовывалось и намечалось, у Лакана выходит на первый план. Витгенштейновское «Язык – клетка мира» трансформируется в «Язык – клетка человека». Через язык невозможно полностью описать язык: граница языкового мира наподобие горизонта все более удаляется, когда мы приближаемся к ней (Витгенштейн); через язык невозможно описать «реальное», по мере описания оно наполняется языковыми структурами и становится «символическим» (Лакан). Феномен иллюстрации явился тем решающим элементом, к которо-

му прибегали авторы книг, чтобы иметь возможность описать текст, минуя язык, и проговорить смыслы с помощью изображения. Язык, обращенный к визуальности, является попыткой самоопределения и показывания своих границ через отличную от себя семиотическую структуру. Иллюстрация, таким образом, это одновременно постижение языка и «реального».

Список литературы

1. Автономова Н.С. Фрейд, Лакан и другие: в спорах о теории и практике психоанализа// *Познание и перевод. Опыты философии языка*. – М.: РОССПЭН, 2008. – С. 287–352.
2. Лакан Ж. Семинары. Кн. 2. «Я» в теории Фрейда и в технике психоанализа (1954/1955) / пер. А. Черноглазова. – М.: Гнозис: Логос, 1999.
3. Мазин В.А. Введение в Лакана. – М.: Прагматика культуры, 2004. – 98 с.
4. Лакан-ликбез: четыре базовых лекций Александра Смулянского по психоанализу [Электронный ресурс]. – URL: <https://theoryandpractice.ru/posts/8298-lakan-likbez> (дата обращения 15. 07. 2018).
5. Калина Н.Ф. Основы психоанализа [Электронный ресурс]. – URL: <http://filosof.historic.rubooks/item/f00/s00/z0000675/st000.shtml> (дата обращения: 07.08.2018).
6. Дьяков А.В. Жак Лакан. Фигура философа. – М.: Территория будущего, 2010. – 560 с.
7. Эванс Д. Вводный словарь лакановского психоанализа. – Лондон, Нью-Йорк, 1995. – 274 с.
8. Лакан Ж. Инстанция буквы в бессознательном, или Судьба разума после Фрейда / Русское феноменологическое общество «Логос». – М., 1997.
9. Лакан Ж. Семинары. Кн. 20 (1972/1973) / под ред. Жака-Алена Миллера. – М.: Гнозис: Логос, 2011. – 175 с.
10. Фаворский В.А. Об искусстве, о книге, о гравюре. – М.: Книга, 1986. – 239 с.
11. Сокулер З.А. Людвиг Витгенштейн и его место в философии XX века [Электронный ресурс]. – URL: http://society.polbu.ru/sokuler_vitgenshtein/ch00_ii.html (дата обращения: 7.07.2018).
12. Марков А.В. Возвращение субъективности в теорию: артефакт как проблема [Электронный ресурс]. – URL: <http://articult.rsuh.ru/articult-03-3-2011/a-v-markov-return-of-subjectivity-in-the-theory-the-artifact-as-a-problem.php> (дата обращения: 17.07.2018).
13. Марьон Жак-Люк. Перекрестья видимого. – М.: Прогресс-Традиция, 2010. – 176 с.
14. Лакан Ж. Этика психоанализа. Семинары. Кн. VII (1959-60)) / пер. с фр. А. Черноглазова. – М.: Гнозис: Логос, 2006. – 416 с.
15. Лотман Ю.М. Текст в тексте. Статьи по семиотике и типологии культуры. Текст как семиотическая проблема // Лотман Ю.М. Избранные статьи: в 3 т. – Таллинн: Александра, 1992. – Т. 1. – 402 с.
16. Витгенштейн Л. Логико-философский трактат // Избр. раб.; пер. с нем. и англ. В. Руднева. – М.: Территория будущего, 2005. – С. 14–222.
17. Лакан Ж. Функция и поле речи и языка в психоанализе. – М.: Гнозис, 1995. – 192 с.

References

1. Avtonomova N.S. Freid, Lakan i drugie: v sporakh o teorii i praktike psikhoanaliza [Freud, Lakan and others: in Disputes on the Theory and Practice of Psychoanalysis]. *Poznanie i perevod. Opyty filosofii iazyka*. Moscow, Rossiiskaia politicheskaiia entsiklopediia (ROSSPEN), 2008, pp. 287-352.
2. Lacan J. «Ia» v teorii Freida i v tekhnike psikhoanaliza. Seminary. Kniga 2. (1954/1955) ["I" in Freud's Theory and in Technology of Psychoanalysis. Seminary. Book 2]. Moscow, Gnozis; Logos, 1999.
3. Mazin V.A. Vvedenie v Lacana [Introduction to Lacan]. Moscow, Pragmatika kul'tury, 2004, 98 p.

4. Lakan-likbez: chetyre bazovye leksii Aleksandra Smulianskogo po psikhoanalizu [Lacan: four basic Lectures of Alexander Smulyansky on Psychoanalysis], available at: <https://theoryandpractice.ru/posts/8298-lakan-likbez> (accessed 15 Jun 2018).
5. Kalina N.F. Osnovy psikhoanaliza [Psychoanalysis Bases], available at: <http://filosof.historic.ru/books/item/f00/s00/z0000675/st000.shtml> (accessed 7 July 2018).
6. D'iakov A.V. Zhak Lakan. Figura filozofa [Jacques Lacan. Philosopher's figure]. Moscow, Territoria budushchego, 2010, 560 p.
7. Evans D. Vvodnyi slovar' lakanovskogo psikhoanaliza [The introduction Dictionary of Psychoanalysis at Lacan]. London, New York, 1995, 274 p.
8. Lacan J. Instantsiia bukvy v besoznatel'nom ili sud'ba razuma posle Freida [Instance of a Letter in Unconscious or the Fate of Reason after Freud]. Moscow, Russkoe fenomenologicheskoe obshchestvo, Logos, 1997.
9. Lacan J. Seminary. Kniga 20 (1972/1973) [Seminary. Book 20 (1972/1973)]. Ed. Zha-Alena Miller. Moscow, Gnozis; Logos, 2011, 175 p.
10. Favorskii V.A. Ob iskusstve, o knige, o graviure [About art, about the book, about an engraving]. Moscow, Kniga, 1986, 239 p.
11. Sokuler Z.A. Liudvig Vitgenshtein i ego mesto v filosofii XX veka [Ludwig Wittgenstein and his place in philosophy of the 20th century], available at: http://society.polbu.ru/sokuler_vitgenshtein/ch00_ii.html (accessed 7 Jun 2018).
12. Markov A.V. Vozvrashchenie sub'ektivnosti v teoriiu: artefakt kak problema [Return of subjectivity to the theory: artifact as problem], available at: <http://articult.rsuh.ru/articult-03-3-2011/a-v-markov-return-of-subjectivity-in-the-theory-the-artifact-as-a-problem.php> (accessed 17 Jun 2018).
13. Marion J.-L. Perekrest'ia vidimogo [Visible Crossing]. Moscow, Progress-Traditsiia, 2010, 176 p.
14. Lacan J. Etika psikhoanaliza. Seminary: Kniga VII (1959-60) [Psychoanalysis ethics. Seminary. Book VII]., Moscow, Gnozis, Logos, 2006, 416 p.
15. Lotman Y. M. Tekst v tekste. Stat'i po semiotike i tipologii kul'tury. Tekst kak semioticheskaiya problema [The text in the text. Articles on semiotics and typology of culture. Text as semiotics problem]. Moscow, Tallinn, Aleksandra, 1992, 402 p.
16. Wittgenstein L. Logiko-filosofskii traktat [Logiko-philosophical Treatise]. *Izbrannye raboty*. Moscow, Territoria budushchego, 2005, pp. 14-222.
17. Lacan J. Funktsiia i pole rechi i iazyka v psikhoanalize [Function and the Field of the Speech and Language in Psychoanalysis]. Moscow, Gnozis, 1995, 192 p.

Получено: 28.09.2018

Принято к печати: 07.11.2018